

ЛЕЧЕБНИКИ И РЕЦЕПТЫ КАК ФОРМЫ САТИРИЧЕСКОГО
ОБЛИЧЕНИЯ

В средневековой России народ редко прибегал к врачебной помощи. Лечились травами, видели спасение в заговорах, символике церковной обрядности, целебных молитвах¹. Врачи были только при царском дворе и прежде всего ими были иностранцы. В сатирических повестях XVII в. описаны характеры, быт и домашняя жизнь русских люодей, в том числе и их отношение к иностранцам, врачам и аптекам. Отрицательное отношение к чужеземным лекарям было воспитано историческими условиями жизни. Пародийный «Лечебник на иноземцев»², рукописный памятник демократической сатиры XVII в., впервые изданный акад. В. Н. Перетцом и изученный В. П. Адриановой-Перетц, отражает недоверие темного народа к врачам и аптекам, попытки обвинить за все беды, эпидемии, даже стихийные бедствия всяких «немцев», то есть люодей, не знавших русского языка — «немых», а, главное, исповедовавших иную веру.

Взаимоотношения с иностранными врачами отражено и в других сатирических повестях XVII в. Например, в великолепной «Службе кабаку» при перечислении пьяниц, оставляющих все свое достояние в кабаке, упоминаются заодно «лекари и обманшики», а вслед за ними «тати и разбойницы»³.

Иностранцев в России было немало уже в XVII в, затем, особенно начиная с эпохи Петра Великого, становилось все больше и больше, притом всяких профессий и среди них были как честные, так и мошенники, такие, которые приехали в Россию как отсталую и невежественную страну только ради наживы. Типичное недоверие простых русских люодей к врачам, особенно врачам-немцам, усиливалось в периоды страшных моров — голода, чумы, холеры. Даже образованное дворянство, бояре и сами цари русские вины за болезни и смерти сыскивали с лекарей. Львовская летопись — «Летописец русский от пришествия Рурика до кончины Иоанна Васильевича» описывает казнь в 1485 г. врача «немчина» Антона, не вылечившего сына татарского царевича Каракучу: «Князь же великий (Иоанн III) выда его сыну Каракучеву: он же мучив его, хоте на откуп дати, князь жу великий не повели, но повели его убити. Они же сведши его на реку на Москву под мост зиме, зарезаша его ножом, как овцу»⁴. Известный романист И. И. Лажечников посвятил этой страшной истории свой роман «Басурман» (1838). И снова, в 1490 г., Иоанн III казнит венецианского врача Леона, обещавшего, но не успевшего вылечить его сына Иоанна Младого⁵.

В своих воспоминаниях о Московии Жак Маржерет, французский офицер, капитан иноземных телохранителей Бориса Годунова и Лжедмитрия I, пишет, как жених царевны Ксении Борисовны герцог Иоанн, брат короля датского Христиана, вскоре после одного обеда заболел, как считают, от невоздержанности и умер спустя некоторое время. Все лечившие его врачи попали в суровую немилость царя Бориса⁶.

¹ Образцы таких молитв даны в: Стара българска литература, Естествознание. С., 1992. Т. V. Составительство и редакция Анисава Милтенова. Собирали их и другие болгарские медиевисты — Иван Дуйчев, К. Попконстантинов и др.

² Текст впервые напечатан акад. В. Н. Перетц (См.: Перетц В. П. Из старинной юмористики XVIII века. Литературный вестник. 1909. Кн. 7. С. 203.) и В. П. Адриановой-Перетц (См.: Адрианова-Перетц В. П. Очерки по истории русской сатирической литературы XVII века. М.; Л., 1937. С. 247–249.). Основные сведения и факты по медицине см.: Оппель В. А. История русской хирургии. Вологда, 1923. Бородулин Ф. Р. История медицины, М., 1961. Заблудовский П. Е. История отечественной медицины. М., 1960–1971. Т. I–II.

³ Все цитаты из сатирических повестей даются по: Русская демократическая сатира XVII века. М., 1977.

⁴ ПСРЛ. СПб., 1910. Т. XX. С. 349.

⁵ ПСРЛ. Т. VI. С. 239. Об этом же сообщают и Н. М. Карамзин (См.: Карамзин Н. М. История государства Российского. СПб., 1819. Т. VI. С. 194.) и С. М. Соловьев, который считал, что Леон был венецианским евреем, с чем трудно согласиться. Евреи — врачи у русского двора появились не раньше второй половины XVII в. (См.: Соловьев С. М. История России с древнейших времен. М., 1989. Т. V. С. 58.).

⁶ Маржерет Жак. Состояние Российской империи и великого княжества Московии с описанием того, что произошло там наиболее памятного и трагического при правлении четырех императоров с июня 1590 по сентябрь 1606 года // Иностранцы о древней Москве. Москва XV–XVII веков. М., 1991. С. 182.

В летописной повести о болезни и смерти Василия III, полное название которой: «Сказание о великомъ князе Василье Ивановиче всеа Руси, како ездил во свою отчину на Волок на Ламъский на осень тешиться, и как болезнь ему тамо сталася, и мнишеский образ приял, и сына своего великого князя Ивана Васильевича на царство благословиль, и о преставлении, и о погребении его»⁷, подробно рассказывается и о лечении больного, и о приемах лечения в XVI веке и о роли врача. Заболев, пишет повесть, «Князь же велики Василей Иванович нача к болезни своей призывати князя Михаила Лвовича Глинского и докторов своих, Николая Люева (правильно Булев, врач из Любека) и Фефила (точно Феофила, грека или немца из того же Любека); исперва же повеле к болячке прикладывать муку пшеничную с медом пресным и лук печен, от того болячка нача редиться» (впечатление такое, что Василий III сам назначает себе лечение, о врачебных назначениях, о лекарствах даже не вспоминается ни тут, ни дальше). Потом опять сам князь повелел прикладывать мазь и пошел обильный гной. Но у него начались боли в груди, и для облегчения использовали «горшки тридневныя и семенники». Больной вообще перестал есть: «порушися ему ества, не нача ести». Гетман Ян начал прикладывать к ране свою «масть обычную», но и это не помогло. Тогда перешли на лечение молитвами, решение принимает опять сам больной: «И приговорил князь великий и з боляры ехати ему с Волока в Осифов монастырь ко Пречистыя молитися». Речь идет об Иосифо-Волоколамском Успенском монастыре, основанном в 1479 г. знаменитым Иосифом Волоцким.

Но ни молитвы, ни пребывание в святом месте не помогает, и только тут опять вспоминают о враче. Великий князь спрашивает его: «Брате Миколае, пришел еси из своая земля ко мне, а видел еси мое великое жалованье к собе; мощно ли тебе, чтобъ облехчение было болезни моея?» И глагола Миколай: «Государь, князь велики! А мощно ли мне мертваго жива сотворити, занеже, государь, мне Богом не быти». Ответ выразителен, целиком в духе эпического народного творчества. Но ученые полагают, что в той реальной ситуации он вряд ли возможен. Вероятно, это позднейшая вставка, которая должна была подчеркнуть неизлечимость царской болезни и соответствовать общей атмосфере эпического монументализма этой превосходной по своим художественным качествам повести.

В Софийской II летописи и в Постниковом летописце, где находим самый ранний список повести 1550 года, текст звучит иначе: «Аще бы мощно, тело бы свое роздробил тебя ради, государя, но моя мысль не имети, oprичь божьей помощи». Но так или иначе врач не лечит, вмешиваются другие люди, больше верят в чудодейственную помощь молитв и святых даров, врач только подтверждает неизбежное. Ничего не говорится в повести о судьбе врачей, видимо, их никто не обвинил в этот раз в кончине царственного пациента.

В повести впервые в древнерусской литературе так подробно и так сочувственно летописец, вероятно, Мисаил Сукин, инок Троице-Сергиева монастыря (атрибуция С. А. Морозова), описывает болезнь, ее лечение и трагический конец. Невольно напрашивается сравнение с повестью «Смерть Ивана Ильича» Льва Толстого, хорошо знавшего и любившего русскую древность.

Интересны и воспоминания Конрада Буссова, наемного ландскнехта, немца по происхождению, служившего Борису Годунову, Лжедмитрию I и Сигизмунду III. Он описывает, что царь Борис «выписал из Германии нескольких докторов медицины и аптекарей. Одного доктора, который приехал с английским посольством, он выпросил у посла. По национальности этот доктор был венгерцем, звали его Христофор Рейтлингер, очень сведущий был человек и хороший врач, кроме того, знал много языков. Остальные, те, которых царь выписал из Германии, были: доктор Давид Фасмар и доктор Генрих Шредер из Любека, доктор Иоганн Хильшенаус из Риги, доктор Каспар Фидлер из Кенигсберга. Все со степенью доктора и очень умные люди. Шестой, по имени Эразм Бенский, из Праги был студентом-медиком. Царь держал их всех для того, чтобы они ухаживали за его персоной. Они не имели права лечить кого-либо другого, даже кого-либо из

⁷ ПЛДР: Середина XVI века. М., 1985. С. 22–47; 569–576.

вельмож, если только тот не пойдёт на поклон к его величеству и не испросит его позволения». Платили каждому по 200 рублей годового жалования и давали пять хороших лошадей из царской конюшни. «Сверх того царь дал каждому большое поместье с 30 или 40 крестьянами. Да и уважение царь оказывал господам докторам такое, что и знатнейшим князьям и боярам». Разрешено было им даже построить себе церковь в Немецкой слободе, расположенной в четверти мили от Москвы⁸.

Даже в XIX веке сохранялось не всегда толерантное отношение к врачам. Когда скончался император Николай I (1855), то, как сообщал журнал «Русская старина», «Густая масса народа толпилась на Дворцовой площади. Имя доктора Мандта стало ненавистным. Сам он боялся показаться на улицу, так как прошел слух, что народ собирается убить этого злополучного немца». Его «поспешили в наемной карете вывезти из дворца, где он жил. Говорят, что в тот же день он выехал за границу»⁹.

В России с давних пор развилось и противостояние церкви и медицины. В средние века церковь монополизировала просвещение и врачебное дело. Несомненно, положительным было то, что монахи оказывали помощь заболевшим, при монастырях, например, при самом крупном в России Троице-Сергиевском функционировала монастырская больница. В «Житии Сергия Радонежского» (список XVII в.) один из рисунков изображает такую монастырскую больницу.

Самые древние монастырские больницы в Болгарии были, как предполагают ученые, около Преслава и в монастыре «Св. Пантелеймон» около Охрида. В житиях Св. Иоанна Рыльского, Св. Гавриила Лесновского и Св. Иоакима Осоговского сообщается, что они оказывали помощь больным¹⁰.

С другой стороны, были времена, когда церковь наложила запрет на хирургию. Запрещались все манипуляции, связанные с кровотечением. В XII–XIII в. вопрос на исповеди уравнивал волхва и врача: «В лес по траву и по корни не ходил ли еси? Не ходил ли к врачу или волхвам, или к себе приводил?» Нестор писал, что «всяк недуг и всяка язва отгонима бывает силой Господней». Лечили молитвами, обращались за помощью к святым Козьме и Дамиану.

Среди врачей было множество невежд. Поэты не случайно, начиная с самой древности, писали сатиры и пародии на их бестолковые действия, а во множестве анекдотов изошрялись в остроумии, чтобы подчеркнуть, какое множество покойников врачи поставляют на кладбища. Сатиру на целый медицинский факультет Парижского университета написал законодатель классицизма, рационалист и сатирик Никола Буало. В его «Забавном приговоре» осмеивается полное отсутствие «незнакомца по имени Разум» «в школах означенного уневерситета», ученые которого решительно отрицали долгое время труды Вильяма Гарвея о кровообращении.

В России в средние века лечатся при знахарях и «костоправах». Народная медицина использовала силы природы — солнце, воду, воздух, а также случайно открытые и потом проверенные опытом растения или средства животного происхождения, оказавшиеся лекарственными. Древние рецепты содержат как верные наблюдения, так и суеверия. Например, при насморке, который до сих пор врачи не очень хорошо лечат, рекомендовали закапывать в нос теплое масло, что правильно, но также применяли и совершенно фантастический прием: «Два средних пальца правой руки, связанные между собой ниткой», что тоже должно было помочь. Лечебные свойства подорожника или медвежьего жира были издавна известны, но лечили и привязанной к горлу змеиной головой и т. п. Змея вообще имела хтоническую символику целительницы и в то же время вредительницы.

В России лечебники и травники (зельники) записываются только с конца XVI в. Это жанр фольклора, включавший сведения о травах, снадобьях, о болезнях и недугах, но и заговоры, народные суеверия¹¹.

⁸ Конрад Буссов. Смутное состояние Русского государства в годы правления царей — Федора Ивановича, Бориса Годунова и, в особенности, Дмитрия и Василия Шуйского, а также, избранного затем, принца королевства Польского Владислава от 1584 до 1613 // Иностранцы о древней Москве. С. 188.

⁹ Русская старина. Жизнь императоров и их фаворитов. М., 1992. С. 580.

¹⁰ А. Милтенова. Естествознание в средневековна България // Стара българска литература. Т V. С. 21.

¹¹ ПЛДР: XVII век. Книга первая. М., 1987. С. 492–527; 607–613. Все тексты цитируются по этому изданию.

В энциклопедическом памятнике XVI в., регламентировавшем жизнь русского человека, «Домострое» есть и глава под номером 23 «Како врачеватися христианом от болезни и от всяких скорбь»¹²: «Аще Богъ пошлет на кого болезнь или какую скорбь, ино врачеватися Божией милостию, да слезами, да молитвою, да постом, да милостынею к нищим, да истинным покаянием, да благодарением и прощение, и милосердие, и нелицемерная любовь ко всякому, да отцов духовных подвизати на моление Богу...» И далее требуется ни коем случае не признавать «чародеевъ и кудесниковъ, и волхвовъ, и всяких мечетниковъ и зелейниковъ, и с кореньемъ, от нихже чаемъ душетленные и временныя помощи и уготоваемъ себя диаволу во дно адово во веки веков мучитися». О врачах вообще нет ни единого слова. Видимо, Сильвестр — автор «Домостроя» или не знал или не хотел знать о возможности врачебной помощи в русском быту того времени.

Все отрицательное отношение к иностранцам и особенно чужеземным врачам резко проявилось в саркастическом и злом «Лечебнике на иноземцев», где не найдешь добродушной и веселой насмешки, как в некоторых иных пародиях, а только одну безжалостную, злорадную ухмылку.

Но причины были не только религиозного характера, а и материального. Иностранцы, имеющие какую-то профессию, лучше оплачивались, богаче, культурнее жили. И в торговле они оттесняли русских купцов. Поэтому на протяжении всего XVII века, вплоть до петровского времени, велась ожесточенная борьба русских купцов с иностранной конкуренцией. Не случайно предполагается, что «Лечебник на иноземцев» мог возникнуть в купеческой среде или среди мелкого торгового люда.

Среди сатирических повестей XVII века особую группу составляют те, которые написаны в виде пародий на документацию: это письма, росписи, дорожники и лечебники. Формы, стереотипные выражения, приемы написания этих документов были твердо установлены и широко известны. Пародийная направленность по отношению штампов или канонов делового письма совсем отсутствует. Обличаются важнейшие общественные явления.

Чаще всего для сатиры используется прием саркастического, мнимо точного перечисления, как в фольклорных небылицах, несуществующих, выдуманных предметов, необычных их сочетаний, объединения обычного и необыкновенного и т. п. Широта и изощренность народной фантазии достигает поразительных размеров, пародируются совсем, кажется, непривычные для литературы формы — лечебник, рецептуар, сухое перечисление лекарств и способов их приема. Но и эту форму оказывалось возможным сатирически использовать. Все дело в смысловой игре, в многочисленных однотипных перечислениях, которые, контрастируя с формой документа, вызывают комический эффект. Кроме того, в текст проникали иногда и литературные обороты. Писцы и дьяки, профессионалы-грамотеи, сочинители и переписчики демократической сатиры XVII века были и знатоками административно-делового стиля и одними из образованнейших, книжных людей тогдашней Руси. Они часто вводили в деловую речь и обороты из живого разговорного языка, и красочные книжные речения и эпитеты, выразительные повторы. Приемы пародии переплетались и с фольклорными скоморошинами, то веселыми и насмешливыми, то злыми, уничтожительными. В «Лечебнике на иноземцев» в отличие от других пародий на документы, ирония целиком заменена сарказмом, а веселая небылица уступает место злой выдумке. Шуточная пародия превращается в мрачную, даже зловещую.

В «Лечебнике на иноземцев» как всегда точно выдержаны правила составления данного документа — рецептуарника. Даны мнимо точные подсчеты: цифры, меры весов, соблюдены параграфы, пункты, с помощью медицинской терминологии или мнимо медицинской, но очень на нее похожей, созданы необычайные описания лекарств, сказано, как их принимать. Везде точно соблюдается внешний вид рецепта, только составные части «лекарств» совершенно немислимые. Сатира на иностранцев несомненно связана в этом памятнике и с отрицательным отношением к лекарям, врачам и аптекарям вообще. Все полно ненависти и сарказма, а цель лечения одна — быстрее отправить басурмана на тот свет.

¹² ПЛДР: Середина XVI века. С. 96–100.

Сатира носит длинное название «Лечебникъ выдан от русскихъ людей, какъ лечить иноземцевъ и ихъ земель людей; зело пристойныя лекарства от различныхъ вещей и дражайшихъ», которое придает пародии необходимую достоверность. Следует десять рецептов: от больного сердца и «отяготевшей утробы», «крепительныя статьи», крепительные порошки, укрепление «живота и сердца» и, наоборот, средства расслабляющие, лечение больных рук и ног. Дан в 7-м рецепте и ход последующего лечения. Причем последний не имеет никакого сходства по форме с настоящим рецептуарником, а прямо переходит на скоморошью дурашливую приговорку: «Есть и пить довольно, чего у кого привольно, сколь душа примет, кому не умереть — немедленно живота избавит». Несколько иначе составлен 8-й рецепт, где не говорится, от какой болезни лечится иноземец, предписывается зелье, без уточнения, как его принимать, но, главное, опять скоморошина, рифмованная раешная строка и подчеркивание главной уничтожительной цели рецепта: «А буде от животной болезни, дается ему зелья, от котораго на утро в землю».

В остальных рецептах форма более или менее правдоподобна, первый план пародии выдерживается. Только состав лечебных препаратов более чем необычен. Это «мостовой белый стук», которого надо отмерить точно «16 золотников», «мелкий вешний топ» («13 золотников»), девичье молоко («3 капли»), «толстое орловое летание» («4 аршина»), «самого тонкаго блохина скоку 17 золотников» и пр. и пр. Предлагается «москворецкую воду на оловяном или серебряном блюде укрошить в два ножа и выпить» или неводом покрывшись «потеть 3 дня на морозе нагому», предварительно «по 3 дни не етчи», «в четвертый день принять в полдни». Очень напоминает врачебные предписания наказ, чтобы, вспотев, «велеть вытереть себя самым сухим дубовым четверным платом, покамест от того плата все тело будет красно». О сатирической пародии напоминает только необычность материи — «дубовый плат». В первом рецепте еще обещается после всех самых фантастичных процедур, что «от сердца болезнь и от утробы теснота отидет и будет здрав». В последующих автор все меньше забавляется необычностью перечислений и переходит к по-настоящему смертоносным предписаниям. Таков, например, девятый рецепт, советующий иноземцу с больной рукой «провертеть здоровую руку буравом, вынять мозгу и помазать больную руку, и будет здрав без обеих рук». Достоверные, соответствующие бытовой обстановке и форме и терминологии рецептуарника названия предметов и действий должны придать перечислению подлинный вид, а их фантастические сочетания — вызвать смех воспринимающего или слушающего сатиру. Главная цель «предписанных рецептов» прямо обозначается — не возвратит здоровье больному, а «немедленно живота избавит».

Сравнение «Лечебника на иноземцев» с русскими травниками и лечебниками того времени, показывает, что его безжалостные авторы знали не только скоморошины и раешную складную речь, но и формулы, постоянно употребляемые в древнерусских зельниках, которые Ф. И. Буслаев справедливо относил к устному народному творчеству. Например, в травнике сообщается: «Есть трава зодикъ (современное ее народное название — измородень семантически связано с понятием измора, слабость) растет по старымъ рощистямъ, собою мохната, листочки мохнатыя ж с одной стороны, ростом в пядь. Кто ту траву ест порану, тотъ человекъ, живучи скорбей не увидит».

Девятый рецепт в «Лечебнике на иноземцев»: «И помазать больная рука, и будетъ здравъ» или первый: «и от сердца болезнь и от утробы теснота отидетъ и будетъ здравъ». В лечебниках для укрепления сердца рекомендуется настойка из земляники «и сердце укрепляет, и силу подает». А вода из мокрицы огородной, «приятна на тще сердце 21 золотникъ, и темъ выгоняетъ лишнее горячество и густую мокрость». И в «Лечебнике на иноземцев» берут то 16 золотников, то 5, тоже «не етчи» и предписывается выпить «москворецкой воды». Очень много рецептов рекомендует масло лечебное — розмариновое, гвоздичное и другие. Фиалковое советуют смешать с женским молоком от «немощи плючной» и ожогов. В «Лечебнике на иноземцев» есть «ентарное масло от

жернового камня» и несуществующее «молоко девичье», которые помогают как «крепительные» средства. И множество других подобных оборотов. Но в отличие от подлинных лечебников в пародийном на первом плане великое отвращение к лекарю и иноземцам, всяким басурманам вообще.

Заканчивается «Лечебник на иноземцев» заговорной формулой, то есть фольклорным жанром, весь смысл которого в том, что он пользовался репутацией неотразимого средства для достижения нужного результата. Применение заговора в конце «Лечебника на иноземцев» обещало, что все, что в нем говорится, сбудется обязательно. Народные заговоры использовали обычно несколько моделей приговоров, самая распространенная из которых — сравнение или образный параллелизм, при котором один из предметов магически воздействовал на другой, передавая ему свои качества и свойства¹³. Десятый рецепт в «Лечебнике на иноземцев», предписывающий лечение больных ног, рекомендует «взять ис под саней полоз», что очень напоминает «взятие следа» в черной магии, ведущее к смерти человека. А после этого дается закрепка: рекомендуется обязательно «приговаривать слова: как таскались санные полозья, так же бы таскались немецкия ноги». Появляется типично заговорная формула.

В сатирических повестях, пародирующих деловые документы, нет сюжета, нет действия, нет и отдельных героев, не описаны отношения между ними. Скорее подразумеваются, чем как-то реально обрисованы два контрастных, даже антагонистичных персонажа: врач или аптекарь, предписавший рецепт, и больной, иностранец. Они уравниваются только в том, что к ним обоим исключительно отрицательное отношение сатирика-сочинителя.

Продолжая традиции древнерусской литературы, в XVIII веке сатирические журналы использовали форму рецептов для острых обличений человеческих недостатков и социальной несправедливости. Особенно великолепны и изобретательны приемы сатирического изображения демонстрируют журналы, издававшиеся знаменитым просветителем и журналистом Н. И. Новиковом. Такие рецепты он широко помещал в своем первом сатирическом журнале «Трутень», самом остром и смелом по напечатанному в нем обличительному материалу. Например, в Листе XXIII от 20 сентября помещен «Рецепт для его превосходительства г. Недоума». Типичные для классицистов значащие имена героев постоянно используются Н. И. Новиковым¹⁴. Сначала определяется диагноз: «Сеи вельможа ежедневную имеет горячку величаться своею породою» «Тотчас начинает его трясти лихорадка, естли кто пред ним упомянет о мецанах или крестьянах», «Вельможа наш ненавидит и презирает все науки и художества, почитает оные бесчестьем для всякой благородной головы». После этого предписывается лечение: «Надлежит больному довольную меру здравого привить рассудка и человеколюбия, что истребит в нем пустую кичливость и высокомерное презрение к другим людям...» Нет такой точности в соблюдении первого плана пародии, перечисления лекарственных снадобий, создания причудливых, небывалых лекарств, но мнимо точно отмеренных, взвешенных, как в древнерусском «Лечебнике на иноземцев», но сама форма рецепта точно сохраняется и здесь, причем использование ее вызывает и необходимый комический эффект.

«Лист XXIV от октября 6 дня» дает рецепт для г. Безрассуда. «Безрассуд болен мнением, что крестьяне не суть человеки», а его рабы, — определяет Новиков болезнь, которой болели многие русские помещики-крепостники. «От сей вредной болезни РЕЦЕПТ: Безрассуд должен всякий день по два раза рассматривать кости господские и крестьянские до тех пор, покуда найдет он различие между господином и крестьянином». Новиков был одним из первых защитников человеческого достоинства унижаемых и оскорбляемых, крепостных крестьян, которых все еще продавали как вещи и почти не считали за людей.

¹³ Кравцов Н. И., Лазутин С. Г. Русское устное народное творчество. М., 1977. С. 69.

¹⁴ Цит по: Русская литература XVIII века, 1700–1775. Хрестоматия. Сост. В. А. Западов. М., 1979; Хрестоматия по русской литературе XVIII века. Сост. А. В. Кокорев. М., 1952.

Некоторые рецепты лечат общечеловеческие слабости, даже недостатки характера. В листе XXIV от 6 октября пишется, что «Простосерд недомогает болезнью, именуемую слепая доверенность». Он всем верил, и часто за это ему плохо платили. Поэтому ему предписано: «на всех людей смотреть в волшебный лорнет, показывающий сердца говорящих людей». Тут нет сатиры, скорее добродушная насмешка. Новиков вспоминает не древнерусские пародии, а народные сказки и волшебные предметы в них. Для Новикова важна только семантика понятий *болезнь* и *лечение*. Он широко использовал их для лечения всех болезней тогдашнего общества. Этот прием присущ, между прочим, народной медицине. В ней символические связи могут приниматься за реальные. То же относится и к драгоценным камням. Верят в их лечебные свойства, исходя из символики их названий и фантастико-символического описания их особенностей.

Например, мы уже приводили рецепт с травой зодик, в народных говорах измодик, измородень, ассоциировавшуюся семантически с уморой. Еще показательнее примеры с наименованием драгоценных и всяких иных камней. В лечебниках целый раздел называется «О каменехъ драгихъ и ко многим делам угодных и о силе ихъ». О «гранате или винисе» говорится, что он «веселит сердце человеческое и кручину отдляетъ». Не иначе, как сыграла свою роль ассоциация с вином. А о черном яхонте пишется, что кто его носит, тот «сновъ страшливыхъ ни лихихъ не увидитъ». Символика черноты связывается со сном без ужасов, без страшных видений. К драгоценным относят и «магнит камень, который родится в Инъдеи в горахъ при берегу морском». Он притягивает мужа к жене, а жену к мужу. Если же жена была неверной, то «и та с постели как летит, будто кто ее спихнул».

Таким образом, форма рецептов широко использовалась как в XVII, так и в XVIII в., иногда затрагивая своим сатирическим острием и саму медицину и врачей, иногда, как в случае с Новиковым, оставаясь к ним абсолютно индифферентной.